

Екатерина Степанова

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ОБЛАСТИ СОВРЕМЕННОГО ТЕРРОРИЗМА

Статья первая в серии из двух статей

В первой половине 2010-х гг. основными поводами для очередного обострения международного интереса к терроризму и противодействию терроризму были три сюжета: Афганистан, Ирак/Сирия и активность доморощенных исламистско-джихадистских ячеек разного типа и степени локализации (в контексте от Бостонского марафона в США до Сочинской олимпиады в России).

Лишь последний из этих трех сюжетов довольно быстро отошел на второй план. Это был всплеск международного интереса к (анти)террористической тематике в преддверии зимних Олимпийских игр в Сочи 2014 г. Еще почти за год до зимней олимпиады взрывы на Бостонском марафоне в апреле 2013 г. — четвертый по общему числу жертв теракт в истории США — в очередной раз подчеркнули актуальность террористической угрозы для развитого мира, в том числе со стороны *доморощенных* мини-ячеек джихадистского типа, сохраняющуюся и спустя более 10 лет после терактов 11 сентября 2001 г. Серия терактов, предпринятая в канун олимпиады на российской территории в конце 2013 — начале 2014 г., включая три теракта в Волгограде, показала высокий уровень угрозы национальной и международной безопасности, которую могут представлять ячейки относительно локализованных сетевых движений исламистско-сепаратистского типа. Однако в данном контексте эта угроза была успешно нейтрализована — высокая степень безопасности и антитеррористической защиты, обеспеченная Россией на сочинских зимних играх, сделала их одними из наиболее безопасных в истории олимпиад. Этого, к сожалению, нельзя сказать ни о других типах и очагах террористических угроз, ни об общемировой динамике терроризма, интенсивность которого не только не снижается, но и продолжает нарастать.

В статье рассматриваются основные тенденции в области террористической активности в начале XXI в. на базе существующей статистики. Из них особого внимания заслуживает основное направление транснационализации современного терроризма — его регионализация. Эта тенденция наблюдается во многих контекстах, но, пожалуй, она нигде не проявила себя так явно, как в контексте текущего кризиса внутри и вокруг Ирака и на примере трансграничного феномена *Исламского государства Ирака и Леванта (ИГИЛ)*.

АКТУАЛЬНОСТЬ ТЕРРОРИСТИЧЕСКИХ УГРОЗ

Резкое обострение внутривнутриполитического кризиса на Украине весной 2014 г. в результате неконституционной смены власти и разгоревшаяся к лету гражданская война на юго-востоке этой страны спровоцировали рост напряженности в отношениях России и Запада, беспрецедентный со времен окончания

А
К
Т
У
А
Л
Ь
Н
О
С
Т
Ь

ALUMNI ПИР-ЦЕНТРА

КИРИЛЛ ЛИХАЧЕВ (к.и.н., доцент кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений СПбГУ):

ИГИЛ, безусловно, опасен. Хотя ультрарадикальная идеология объединила против *ИГИЛ* шиитов (*Хезболла*), саудитов и курдов, даже прямое военное вмешательство международной коалиции в Ирак (что пока маловероятно) не сможет полностью обезопасить мировое сообщество от этой системной проблемы. Так как цель *ИГИЛ* — создание целостного государства в регионе, то для России угроза *ИГИЛ* пока что второстепенна. При этом в случае поражения или распада *ИГИЛ* разномастные интернациональные группировки джихадистов могут продолжить свою деятельность в родных странах. Но хотя, по разным данным, до 1500 чеченцев присоединились к *ИГИЛ*, мало верится, что они смогут существенно дестабилизировать ситуацию на Северном Кавказе в ближайшем будущем.

холодной войны. Эти проблемы на время заслонили собой другие угрозы безопасности, в том числе террористические, по крайней мере в контексте Европа–Северная Евразия. Если терроризм — это, строго говоря, *намеренное применение насилия против гражданского населения и некомбатантов со стороны негосударственного игрока ради достижения политических целей путем асимметричного давления на государство и общество*, то при всей остроте внутреннего кризиса и вооруженного противостояния на Украине террористические методы в украинском контексте пока практически не применялись¹. В 2014 г. доминирующими формами политического насилия на Украине оставались: а) *бое столкновения между комбатантами* (новороссийскими ополченцами и формированиями украинской армии, национальной гвардии и других военизированных группировок); б) *причинение комбатантами так называемого*

побочного ущерба (теоретически ненамеренного) мирному населению в ходе и в виде прямого результата военных действий между ними; в) *репрессивно-карательное насилие* со стороны государственных и негосударственных вооруженных игроков против гражданского населения и объектов (например, одесский погром 2 мая 2014 г. и неизбирательные бомбардировки городских районов как способа сознательного *коллективного наказания* нелояльного киевским властям населения Донецкой и Луганской республик). Хотя ситуация вокруг Украины и вооруженный конфликт на юго-востоке этой страны — главный сегодня кризис в области европейской безопасности — (пока) в основном не связан с угрозами террористического типа, в глобальном масштабе терроризм не только продолжает оставаться серьезной угрозой, но и демонстрирует тенденцию к дальнейшему росту.

Никакие текущие кризисы в сфере европейской безопасности не отменяют одного простого факта: *2013-й год стал годом пика террористической активности в мире* не только за весь прошедший период с начала XXI в., но и за весь период, по которому вообще доступна статистика по терроризму (с 1970 г.)². Предыдущие рекорды по числу терактов пришлись на два предшествующих года — 2011-й и 2012-й, а 2012-й год еще и лидирует по числу погибших в терактах³. Террористическая активность в мире находится на своем историческом пике и продолжает расти. При этом ее центр приходится на Ближний и Средний Восток и прежде всего на зоны трех крупных вооруженных конфликтов: в Афганистане, Ираке (и все больше в Сирии), а также на Пакистан (особенно на районы, прилегающие к Афганистану).

В *Афганистане* в преддверии окончательного вывода большей части сил США и НАТО, назначенного на конец 2014 г., на международную повестку дня вновь вышла проблема возможной дестабилизации и эскалации вооруженного насилия, в том числе в форме терроризма, внутри и вокруг этой страны. Несмотря на то что по мере вывода войск США и НАТО конфликт в Афганистане постепенно менял фор-

му, превращаясь из борьбы вооруженной исламистской оппозиции прежде всего с иностранными силами в противостояние между повстанцами и афганскими правительственными силами, одной из основных форм этого противостояния оставался терроризм против гражданского населения. Кроме того, поспешный вывод западных сил из Афганистана в отсутствие не только стабильности, безопасности и мирного процесса, но и функциональной государственной власти и устойчивого политического процесса усилили обеспокоенность всех стран региона и прилегающих к нему государств относительно возможных трансграничных выплесков вооруженных столкновений, терроризма, экстремизма и нестабильности с территории Афганистана.

Главным лидером по всем основным показателям террористической активности в начале XXI в. оставался *Ирак* — в основном в контексте вооруженного сопротивления американской военной интервенции 2003 г. и последующей оккупации страны силами США и их союзников, а также подконтрольному им иракскому правительству (так, в 2002–2011 гг. только на Ирак пришлось более трети всех погибших в терактах в мире)⁴. Однако к середине 2010-х гг. ведущим импульсом терроризма в регионе стала активизация радикально-исламистских группировок уже в новом, расширенном *ирако-сирийском контексте* и прежде всего движения *ИГИЛ*. В условиях нового витка вооруженного конфликта в Ираке уже после вывода американских сил и развернувшейся в соседней Сирии полномасштабной гражданской войны трансграничный феномен *ИГИЛ* стал даже более ярким примером *регионализации* повстанческо-террористического движения, претендующего на квазигосударственные функции, чем трансграничная активность вооруженных исламистов во главе с талибами в афгано-пакистанском контексте.

ДИНАМИКА ТЕРРОРИЗМА В НАЧАЛЕ XXI В.

Методология

Одним из основных достижений в области исследования терроризма в начале XXI в. стало прояснение его научного определения — в рамках так называемого согласованного академического определения терроризма, сформулированного в 2011 г. А. Шмидом на основе систематических консультаций с несколькими сотнями ведущих мировых специалистов в этой области⁵. Это *среднеарифметическое* определение пока не стало частью международного права (и не оформлено соответствующей конвенцией ООН), но получает все большее распространение в научных и экспертных кругах и стратегических документах ряда международных организаций и используется в методологии крупнейшей академической базы данных по терроризму — *Global Terrorism Database (GTD)*⁶. Не противоречит этой дефиниции и данное во введении к статье определение терроризма, разработанное автором в 2007–2008 гг.⁷.

Все наиболее авторитетные исследователи — и определения! — терроризма делают особый упор на его политической природе как тактики для достижения политических целей⁸. Главная специфика терроризма — сочетание его асимметричной природы с *коммуникативной* функцией, т. е. использование *мягких* мишеней (гражданского населения и некомбатантов) как жертв, главное назначение которых — генерирование более широкого политического резонанса. Этот резонанс террористы сознательно используют как инструмент, рычаг для дестабилизации политической обстановки, запугивания общества, а главное — для оказания виртуального давления на *государство*.

Теракт действительно успешен в том случае, когда его основное измерение — дестабилизирующее воздействие общественно-политического резонанса — значительно превосходит нанесенный им физический ущерб. При этом степень и характер дестабилизационного влияния теракта (серии терактов) на политику зависят не только от масштаба и типа самого теракта, но и прежде всего от того

конкретного политического контекста, в котором он применяется. Терроризм не абстрактен, а предельно конкретен: адекватно определить *конечный* политический эффект теракта невозможно в отрыве от его конкретного контекста, опираясь только на *физические*, измеряемые показатели.

Гибель всего нескольких человек в результате теракта в мирной столице какого-нибудь западного государства (Лондоне, Мадриде, Париже) может иметь неизмеримо больший политический эффект, чем, например, гибель 100–200 и более человек в теракте в столице одной из азиатских или африканских стран, погруженных в пучину вооруженных конфликтов (Багдаде, Кабуле, Могадишо или Бамако). Один-два теракта в мегаполисе или крупном транспортном узле (Бомбее, Стамбуле, Пекине, Москве, Волгограде и т. п.) могут оказать несравнимо большее влияние на политический климат, чем месяцы систематической террористической активности на дальней периферии той же страны. В Европе сотни терактов со стороны, например, корсиканских сепаратистов не вызвали и малой доли того общественно-политического резонанса, который имели редкие, буквально единичные теракты исламистского типа с относительно массовыми (по европейским меркам) жертвами.

Те статистические данные, которые сегодня имеются в распоряжении исследователя, в основном касаются измеряемых количественных параметров (числа терактов, жертв, активных террористических группировок) и не передают тех контекстных политических условий, которые в значительной мере определяют конечный — и наиболее важный — политический эффект терроризма. Поэтому при работе со статистикой важно не забывать, что количественные параметры дают лишь часть общей картины и не обязательно прямо пропорциональны политическому эффекту теракта в конкретном политическом контексте.

Однако лишь анализ статистических данных позволяет говорить о глобальных тенденциях, опираясь не на субъективные ощущения или спекулятивные оценки, а на научно-методологическую основу. Кроме того, современные методы (например, методология Глобального индекса терроризма) позволяют оценить хотя бы прямой кумулятивный эффект терроризма. Наконец в условиях все большей информационно-коммуникационной плотности и взаимозависимости в современном мире, резкий рост количественных параметров терроризма, особенно внутри одного и того же региона или в рамках одного политического контекста, как правило, сопровождается и ростом их политического резонанса.

Подъем терроризма в начале XXI в.

Среди основных тенденций современного терроризма для трех указанных выше сюжетов наибольшее значение имели следующие:

- общий подъем террористической активности в мире, особенно резко — в последние несколько лет;
- рост смертоносности от терроризма;
- крайне неравномерное распределение террористической активности по странам и регионам мира: концентрация большей части террористической активности в мире в двух регионах, которые лидируют с большим отрывом от остальных, и всего в 2–3-х зонах наиболее интенсивных и широко интернационализированных конфликтов;
- выход на первый план мотиваций, целей и идеологий религиозного и националистического толка при сохраняющемся уровне терроризма иных мотивационно-идеологических типов (правого, левого и т. д.). Рост терроризма смешанных идеологически-мотивационных типов, особенно религиозно-националистического;

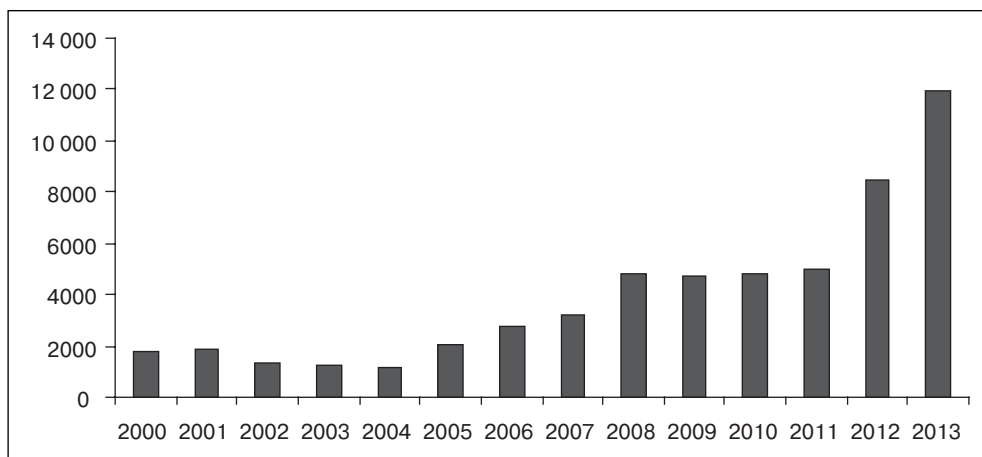
- ❑ доминирование организаций радикально-исламистского толка среди наиболее опасных террористических группировок;
- ❑ абсолютное доминирование терроризма в качестве тактики в вооруженных локально-региональных конфликтах как над терроризмом мирного времени (в отсутствие вооруженного конфликта), так и над терроризмом, ставящим глобальные, универсалистские цели;
- ❑ транснационализация терроризма на разных уровнях мировой политики и размывание грани между *внутриполитическим* и *международным* терроризмом;
- ❑ противонаправленные, но взаимосвязанные тенденции транснационализации и фрагментации современного терроризма;
- ❑ распространение сетевых и различных гибридных структур в организационных системах террористических организаций;
- ❑ растущая связь терроризма с теневой экономикой и переход многих террористических группировок на самофинансирование;
- ❑ развитие тактических приемов, средств и методов технического, финансового, а главное — информационно-коммуникационного обеспечения терроризма.

Остановимся подробнее на некоторых этих тенденциях на базе существующей статистики.

Согласно материалам Глобальной базы данных по терроризму (GTD), уровень террористической активности в мире с начала XXI в. значительно вырос по всем параметрам и показателям. Наиболее значительный рост демонстрирует число терактов — более чем в 6,3 раз, с 1880 терактов в 2001 г. до 11952 терактов в 2013 г., последнем, по которому на момент выхода статьи была доступна статистика по терроризму (см. рис. 1). Особенно тревожно то, что по числу терактов лидируют именно три первых года текущего десятилетия, причем динамика развивается по нарастающей. Если в 2011 г. было зарегистрировано 5007 терактов, в 2012-м — 8480, а в 2013 — уже почти 12 тысяч терактов, что составляет абсолютный рекорд не только с начала XXI в., но и за весь исторический период (с 1970 г.), по которому имеется статистика по терроризму (см. рис. 2).

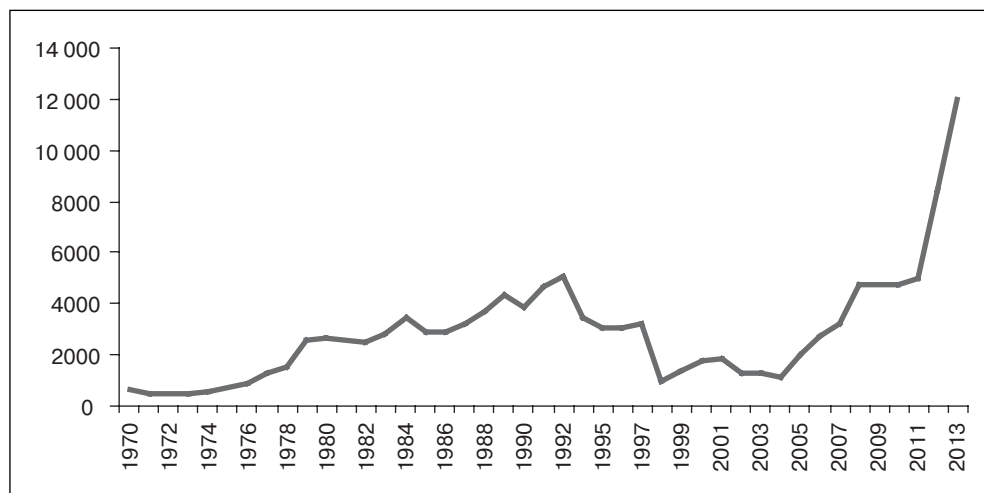

Рисунок 1. Число терактов в мире, 2000–2013 гг.

Источник: Global Terrorism Database, 2014.

Рисунок 2. Число терактов в мире (1970–2013 гг.)

Источник: Global Terrorism Database, 2014.

Возросла и смертоносность терактов, причем по числу убитых здесь также лидируют два последних года. Даже если следовать узкому определению терроризма, учитывая лишь подтвержденные жертвы только среди гражданского населения и некомбатантов, получится, что в 2012 г. в терактах погибли более 11 тысяч человек, а на предыдущем пике — в 2007 г. — более 5000 (в основном благодаря резкому подъему террористической активности в Ираке)⁹.

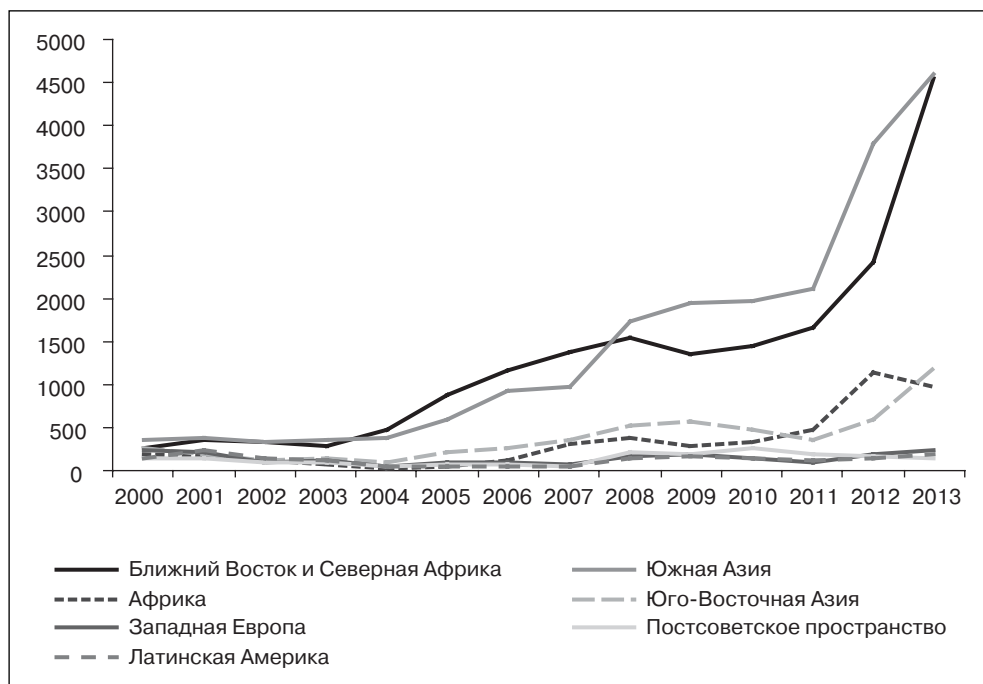
Ту же тенденцию демонстрирует и так называемый Глобальный индекс терроризма (*Global Terrorism Index — GTI*), который интегрирует сразу 4 количественных параметра (число терактов, число погибших и раненых в терактах и уровень материального ущерба). За первое десятилетие, для которого выведен этот индекс — 2002–2011 гг., т. е. за первые 10 лет после терактов 11 сентября 2001 г., террористическая активность в мире возросла на 234 %¹⁰.

С одной стороны, лишь немногие государства мира свободны от терроризма: из 158 стран, по которым вычисляется Глобальный индекс терроризма, в 2002–2011 гг. лишь в 31 стране вообще не было терактов¹¹. С другой стороны, распределение террористической активности — и ее роста — по регионам мира носит очень *неравномерный характер*.

В 2000–2013 гг. среди регионов мира абсолютными лидерами по совокупности всех показателей терроризма были *Ближний Восток*, включая арабскую Северную Африку, и *Южная Азия*, включая Афганистан и Пакистан (в данном случае к периоду начала XXI в. уместно присоединить 2000-й год, чтобы показать ситуацию до терактов 11 сентября 2001 г.). По числу терактов первая пятерка регионов мира наряду с *первым эшелон* — (1) Южной Азией и (2) Ближним Востоком, включает следующих с большим — почти 4-кратным — отрывом (3) Юго-Восточную Азию и (4) Африку южнее Сахары (*второй эшелон*), за которыми с отрывом следует (5) Западная Европа (вместе со следующими за ней с небольшим отрывом постсоветским пространством и Латинской Америкой она формирует *третий эшелон*) (см. рис. 3). Картина смертоносности терроризма почти такая же, только без Западной Европы (место которой в первой пятерке занимает постсоветское пространство), а два абсолютных лидера меняются местами, хотя и близки по общему числу жертв (на первом месте по числу убитых в терактах — Ближний Восток, в основном благодаря ситуации в Ираке, а на втором — Южная Азия). На этом фоне, например, Северная Аме-

рика, даже несмотря на теракты 11 сентября 2001 г., в целом демонстрирует один из самых низких уровней террористической активности в мире (причем как после, так и до терактов 11 сентября). В современной же Европе, несмотря на достаточно большое число терактов, они редко смертоносны (например, в 2012 г. на территории стран — членов ЕС от рук террористов погибло всего 17 человек — по сравнению с 11 тысяч убитых в терактах во всем мире в том же году)¹².

Рисунок 3. Распределение терактов по регионам мира (2000–2013 гг.)

З
И
Л
А
Н
А

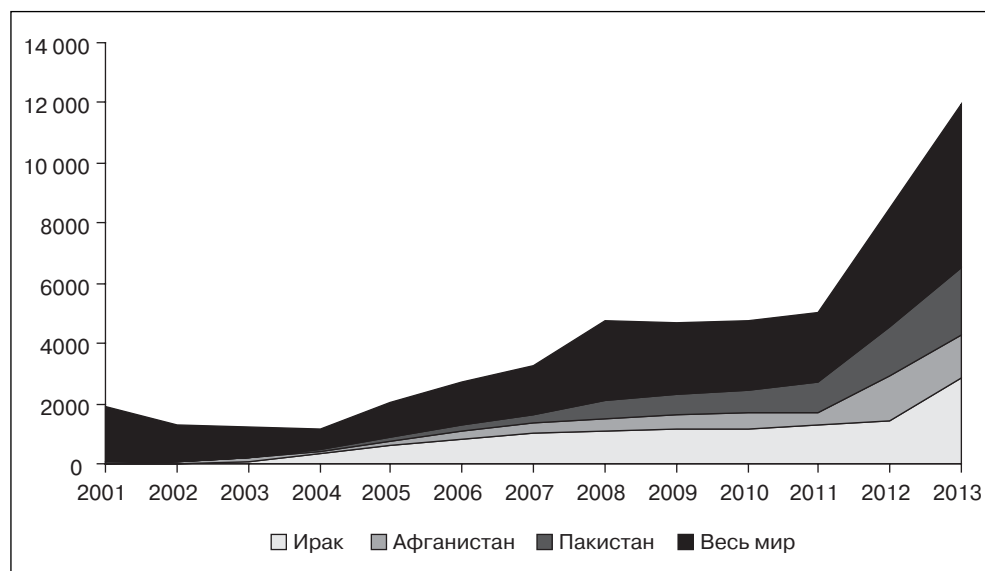
Источник: Global Terrorism Database, 2014.

Тенденция к непропорциональному сосредоточению большей части террористической активности лишь в нескольких регионах мира еще более очевидна применительно к странам. Так, в 2001 г. 87% всех терактов пришлось всего на 10 стран — тех же, что лидировали и по совокупности показателей террористической активности за весь период 2002–2011 гг.¹³.

При этом более половины всех терактов и жертв в них в начале XXI в. пришлось всего на 3 страны — на первую тройку стран, наиболее затронутых терроризмом (см. табл. 1): на Ирак, Афганистан и Пакистан (см. рис. 4). Собственно, первый в новом веке статистически значимый подъем террористической активности начался не с терактов 11 сентября 2001 г., а с 2004–2005 гг., почти исключительно благодаря вооруженному конфликту в Ираке, ставшему реакцией на интервенцию во главе с США 2003 г. По мере эскалации вооруженного сопротивления иностранным силам и поддерживаемому им афганскому правительству резко возросшая там террористическая активность сделала Афганистан вторым центром террористической активности в мире. К началу 2010-х гг. на тот же уровень вышел соседний Пакистан (по числу терактов даже обогнав Афганистан), в том числе благодаря росту террористической активности в трансграничном афгано-пакистанском контексте. В итоге, по данным GTD, в 2012 г. на эти три страны (Ирак, Афганистан

и Пакистан) приходилось 54% всех терактов в мире и 58% всех убитых в терактах¹⁴. Очевидно, что в рассматриваемый период терроризм сильнее всего вырос именно в тех странах, которые стали центральными мишенями *войны с терроризмом* во главе с США, причем не до, а после того, как они стали объектами иностранных интервенций. Как в Ираке, так и в Афганистане развернулись наиболее интенсивные и наиболее широко интернационализированные конфликты начала XXI в., и в обоих случаях динамику роста террористической активности запустило вооруженное сопротивление западному военному присутствию и слабым марионеточным правительствам в мусульманских странах.

Рисунок 4. Число терактов в мире и в Ираке, Афганистане и Пакистане (2001–2013 гг.)

Источник: Global Terrorism Database, 2014.

Таблица 1. 10 стран с наиболее высоким уровнем террористической активности (2002–2011 гг.), по убыванию

Рейтинг	Страна	Показатель GTI
1	Ирак	9,556
2	Пакистан	9,049
3	Афганистан	8,669
4	Индия	8,147
5	Йемен	7,305
6	Сомали	7,244
7	Нигерия	7,242
8	Таиланд	7,086
9	Россия	7,068
10	Филиппины	6,801

Источник: Global Terrorism Index (GTI), 2012.

В целом Ирак и Афганистан оказали более сильное влияние на динамику глобального терроризма, чем вооруженные конфликты во всех остальных государствах из первой двадцатки стран с наивысшим уровнем террористической активности (за 2002–2011 гг.). Конфликты в остальных 18 странах относятся к двум типам контекстов. В первом случае это транснационализированные конфликты на территории ослабленных и нефункциональных государств, часто в условиях объявленного (Сомали) или необъявленного (Йемен, Пакистан) иностранного военного вмешательства, но без прямых западных интервенций. Вторая, преобладающая категория — это неинтернационализированные конфликты, часто смешанного исламистско-сепаратистского толка, в периферийных районах таких дееспособных государств, включая крупные региональные державы, как Индия, Таиланд, Нигерия, Россия, Филиппины, Турция и т. д.

На этом фоне особого внимания заслуживает Сирия, где терроризм все активнее применяется в контексте относительно недавней (с 2011 г.), но крайне интенсивной и уже сильно транснационализированной гражданской войны. То, под какую из перечисленных выше двух категорий подпадет Сирия, по мере включения в базы данных статистики по конфликтам, разразившимся уже в 2010-е гг., в значительной мере зависит от того, насколько сирийское государство сможет сохранить свою дееспособность. Не исключен, хотя пока и маловероятен, и третий, наихудший, сценарий, при котором в случае полномасштабной западной интервенции Сирия имеет шанс выйти на уровень Ирака и Афганистана как главных очагов террористической активности в мире (в 2014 г. она уже опередила их по уровню конфликтности в Глобальном индексе мира — *Global Peace Index*)¹⁵.

Хотя эта статья не посвящена специально *России*, было бы странно не сказать пару слов о ее месте в общемировом контексте. С одной стороны, в начале XXI в. Россия демонстрировала достаточно высокий уровень террористической активности. В основном благодаря терроризму исламистско-сепаратистского типа в северокавказском контексте, Россия вошла в десятку стран, наиболее подверженных терроризму за предыдущее десятилетие, заняв в ней предпоследнее, 9-е, место (см. табл. 1). Это единственная европейская страна и единственная страна с *высоким средним* уровнем дохода в первой десятке¹⁶ (где доминируют страны с *низким средним* уровнем дохода, хотя есть и несколько бедных стран). Самый крупный теракт в России за этот период — захват заложников в Беслане в 2004 г. — стал третьим по масштабу терактом в мире за десятилетие после 11 сентября 2001 г.¹⁷

С другой стороны, за последние 10 лет положение России по уровню террористической активности по сравнению с другими странами мира стало лучше, чем за последние 20 лет. Сам факт, что Россия по этому показателю теперь сместилась на уровень между Таиландом и Филиппинами (где, кстати, доминирует терроризм того же исламистско-сепаратистского типа в контексте периферийных конфликтов), говорит об определенной стабилизации российской ситуации и является результатом дальнейшей фрагментации вооруженно-террористической активности в северокавказском контексте. Хотя угрозы этого типа сохраняются (что показали, например, теракты в Волгограде в конце 2013 г.), всплеск террористической активности в преддверии Олимпийских игр в Сочи не помешал государству эффективно обеспечить полную безопасность проведения зимней олимпиады и вряд ли развернет постепенный нисходящий тренд по числу террористических инцидентов (наметившийся после 2010 г.).

В целом российский случай твердо относится к наиболее распространенному типу в рамках первой двадцатки стран, подверженных террористическим угрозам. Это достаточно *стандартный* сюжет, особенно по меркам евроазиатского/азиатского регионов, где почти в каждой второй стране в контексте периферийного конфлик-

та боевики исламистского-сепаратистского типа применяют террористические методы против дееспособного государства, которое так или иначе справляется с этой угрозой своими силами и способно обеспечить ее более или менее эффективное сдерживание. Важно подчеркнуть, что, хотя *терроризм как тактика периферийных конфликтов на территории дееспособных государств*, безусловно, угрожает национальной и региональной безопасности, не он определяет главное лицо современного терроризма, не он представляет собой основной террористический вызов глобальной безопасности и не на него сегодня приходится *центр тяжести* террористической активности в мире.

В целом состав первой двадцатки стран с наиболее высоким уровнем террористической активности хорошо иллюстрирует тот факт, что в *последние десятилетия терроризм в основном применяется в контексте вооруженных конфликтов*. Тот факт, что терроризм может проявляться и в странах, на территории которых нет конфликтов (например, атаки доморощенных джихадистских мини-ячеек в западных странах, корсиканских сепаратистов во Франции и т.д.), а некоторые типы терактов (например, со стороны лево-или праворадикальных акторов или экстремистов, действующих в защиту окружающей страны) вообще чаще осуществляются в условиях *мирного времени*, не меняет общей картины. Она состоит в том, что львиная доля террористической активности в мире либо осуществляется непосредственно в конфликтных зонах, либо, даже за пределами таких зон, напрямую связана с повесткой дня того или иного конфликта. Работа со всеми основными базами данных и индексами в этой области показывает высокую корреляцию между терроризмом и уровнем интенсивности вооруженного конфликта.

Однако то, что терроризм в основном применяется как тактика в локальных или региональных вооруженных конфликтах, отнюдь не означает, что он равномерно используется во всех конфликтах. Если бы это было так, то было бы непонятно, почему основные тенденции в общемировой динамике конфликтов и терроризма могут не совпадать. Например, если число конфликтов в начале XXI в. было стабильно ниже, чем в последние десятилетия XX в.¹⁸, то терроризм, напротив, за последнее десятилетие испытал период самого резкого роста за всю историю. Объяснение кроется не столько в числе, сколько в характере вооруженных конфликтов и состоит в отмеченном нами феномене — непропорционально высокой роли в генерировании современного терроризма всего лишь нескольких, но зато самых крупных и интенсивных вооруженных конфликтов. При этом все эти конфликты служат ареной либо масштабной интернационализации, включая прямое иностранное вмешательство (Афганистан и Ирак), либо широкой транснационализации (Пакистан).

Наконец в мотивационно-идеологическом плане существует расхожее мнение об абсолютном доминировании по всем показателям терроризма религиозно-экстремистского толка (как тактики группировок, в идеологии которых преобладает религиозно-экстремистская составляющая). Это мнение верно лишь отчасти. Так, большинство терактов в XXI в. пока в совокупности совершено группировками иных типов (как светской политической ориентации левого, правого, националистического толка, так и, например, радикально-националистической ориентации умеренно-конфессионального толка). Однако, хотя религиозный терроризм и не доминирует по числу терактов, он значительно превосходит все иные мотивационно-идеологические типы по смертоносности.

При этом наибольшее число жертв влечет за собой именно *терроризм радикально-исламистского толка*. В 2013 г. семь наиболее смертоносных группировок в мире были радикально-исламистскими: Талибан в Афганистане, ИГИЛ (Ирак и Сирия), *Техрик-э-Талибан* (Пакистан), *Боко Харам* (Нигерия), *Лашкар-э-Джангви* (Паки-

стан), *Джабхат аль-Нусра* (Сирия), *аш-Шабаб* (Сомали). В 2012 г. только на эти 7 группировок пришлось почти половина (около 5000) всех убитых в терактах в мире. Отметим, что все эти группировки наряду с применением *террористических* методов являлись активными участниками *военных* действий (и сторонами — комбатантами — в вооруженных локально-региональных конфликтах). Кроме того, все они служат примерами *трансграничного характера и регионализации* радикально-исламистской повстанческо-террористической активности. В отличие от этих группировок, например, *Аль-Каида* как таковая в 2012–2013 гг. не совершила ни одного теракта¹⁹.

ДВИЖЕНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ДЖИХАДА: СЕТЕВАЯ ФРАГМЕНТАЦИЯ

В условиях глобализации терроризм на разных уровнях мировой политики — от локального до глобального — отличается скорее степенью транснационализации, чем ее наличием или отсутствием. Подчеркнем, транснационализация терроризма носит не столько количественный, сколько качественный характер. Несмотря на то что из нескольких тысяч террористических группировок, отслеживаемых GTD, лишь небольшая часть, например, атакует гражданские цели на территории другой страны (стран)²⁰, размывается сама грань между *внутриполитическим* и *транснациональным* терроризмом. Даже действующие на локальном уровне группировки транснационализируют те или иные аспекты своей активности (финансово-техническое, информационно-пропагандистское обеспечение, подготовку и т. п.). Более того, террористические ячейки определенной мотивационно-идеологической ориентации могут адресовать свои действия именно *миру в целом* и действовать во имя абсолютно транснациональных и даже глобальных целей, даже не выезжая из своей страны и в основном пользуясь местными ресурсами. Иными словами, сегодня актуальнее говорить о разном уровне и степени транснационализации терроризма, который определяется прежде всего масштабом конечных целей группировки — локальным, локально-региональным или глобальным²¹.

На *терроризме глобальной направленности* следует остановиться особо, так как в отличие от более традиционных типов и контекстов террористической активности это сравнительно недавнее явление. О нем как о феномене с уверенностью можно говорить лишь начиная с рубежа XX–XXI вв. — в основном в связи с *Аль-Каидой* и тем сетевым движением *глобального джихада*, импульс которому она задала. Такой терроризм не привязан и не ограничен каким-то одним или даже несколькими локально-национально-региональными контекстами — он применяется во имя подчеркнуто универсалистских целей, которые носят экзистенциальный и поистине глобальный характер (построение *всемирного халифата* или, как в случае с *Аум синрикё*, приближение глобального апокалипсиса) и в принципе не могут служить предметом переговоров. Это терроризм не просто транснационального, а *наднационально-экстерриториального* характера.

Несмотря на теракты 11 сентября 2001 г., за полтора десятилетия, прошедшие с начала XXI в., терроризм этого типа в целом не только не лидировал по основным измеряемым показателям, но и сильно уступал по ним таким более традиционным видам, как терроризм националистического или смешанного религиозно-националистического толка, как тактике в конкретных вооруженных конфликтах на локально-региональном уровне. Несмотря на это, феномен *Аль-Каиды* и связанный с ней терроризм сумел привлечь к себе несравнимо, непропорционально большее внимание на уровне мировой политики и международных СМИ и создать впечатление, что он доминирует в современном дискурсе по терроризму.

Этот парадокс объясняется тем, что главный эффект терроризма — не столько в масштабе его *физических* параметров, сколько в его способности оказывать непропорционально большое влияние на политику. В этом смысле терроризм глобальной направленности аль-каидовского типа — самый асимметричный из всех: для того чтобы обеспечить глобальный информационно-политический резонанс, ему необязательно физически присутствовать повсеместно. *Аль-Каида*, несмотря на небольшое число убежденных вооруженных адептов и инцидентов после 2001 г., удалось добиться поистине глобального резонанса и политического эффекта прежде всего с помощью небольшого числа четко рассчитанных терактов с массовыми жертвами, в основном в условиях *мирного времени*, только усиливающих демонстративный эффект, либо в странах Запада (в Нью-Йорке, Мадриде или Лондоне), либо против мишеней, тесно ассоциирующихся с западным миром (например, теракты на о. Бали в 2002 г.), во имя подчеркнуто глобальных целей. Они продиктованы идеологией *глобального джихада*, которая является главным ресурсом этого движения и в начале XXI в. стала главной антисистемной протестной идеологией на глобальном уровне. Она не просто ставит под вопрос существующий мировой порядок в целом, но и выдвигает целостную, хотя и совершенно утопическую альтернативу такого порядка (что, например, не по силам движению антиглобалистов).

Однако в середине второго десятилетия XXI в., после массивной антитеррористической кампании против *Аль-Каиды* и уничтожения большей части первого поколения ее лидеров, включая Усаму бен Ладена (убитого в ходе запоздалой спецоперации США), уместно задать вопросом: как так случилось, что терроризм глобально-джихадистского типа продолжает считаться серьезной и до сих пор чуть ли не главной террористической угрозой международной безопасности, когда, например, в 2011 г. из более 5000 терактов в мире *Аль-Каида* была напрямую ответственна лишь за одно похищение²², а в 2012 и первой половине 2013 г. вообще не совершила ни одного теракта и даже не вошла в первую двадцатку наиболее активных и смертоносных террористических организаций²³? Ответ на этот вопрос более сложен и кроется в динамичной структурно-организационной трансформации транснационального движения *глобального джихада* за последнее десятилетие и в его адаптации к изменившимся условиям²⁴. Существуют два основных подхода к эволюции движения *глобального джихада* в последние годы.

Хотя оба подхода подразумевают определенную степень фрагментации *Аль-Каиды*, *первый подход* рассматривает этот процесс в основном как достаточно четко структурированное деление на несколько крупных, хорошо организованных и напрямую подотчетных центральной *Аль-Каиде* региональных филиалов (т.е. на *регионализацию по принципу сверху вниз*). Согласно этому подходу, который с конца 2000-х гг. преобладает в экспертно-политическом дискурсе в США и на Западе, движение глобального джихада подразделяется на три уровня. Во-первых, определенные функции стратегического командования и контроля сохраняются за *центральной Аль-Каидой*, базирующейся в Пакистане и Афганистане (т.е. тому, что осталось от ее исторического ядра). Во-вторых, утверждается, что главный *центр тяжести Аль-Каиды* переместился на уровень *региональных филиалов* с относительно четкой организационной структурой, базирующихся в ряде мусульманских регионов (среди них обычно называют *Аль-Каиду на Аравийском полуострове*, *Аль-Каиду в странах Исламского Магриба*, а также *Аль-Каиды* в Ираке, Восточной Африке и Юго-Восточной Азии). Третий уровень движения формируют *идеологические последователи Аль-Каиды* — мини-ячейки и отдельные лица, в основном на Западе, которые «знакомы с [этой] организацией только посредством ее идеологии, во имя которой они осуществляют акты насилия»²⁵. Однако рост числа и активности таких ячеек чаще всего интерпретируется как свидетельство организационной деградации *Аль-Каиды*,

которая подается как результат контртеррористического давления со стороны США и их союзников.

Второй подход, сторонником которого является автор данной статьи, делает упор на полноценной *сетевой фрагментации* движения *глобального джихада*. Этот подход отрицает, что на современном этапе историческое ядро *Аль-Каиды* реально продолжает осуществлять какие-либо функции стратегического командования, и отводит ей и ее оставшимся лидерам, в частности А. аз-Заварихи, роль, скорее, идеологических символов и вдохновителей. Этот подход, в принципе, не отвергает возможность существования региональных филиалов *Аль-Каиды* в мусульманских регионах мира (ближе всего роль такого филиала подходит *Аль-Каиде на Аравийском полуострове*, сохранившей прямую генетическую связь с первоначальной *Аль-Каидой*, в меньшей степени — *Аль-Каиде в странах Исламского Магриба*, т. е. в Северной Африке). Однако этот подход опровергает картину движения *глобального джихада* как иерархически интегрированного по принципу *сверху вниз* интернационала, четко подразделенного на крупные региональные филиалы. Большинство так называемых региональных филиалов *Аль-Каиды* (за твердым исключением лишь *Аль-Каиды на Аравийском полуострове*) — это вооруженные группировки, которые имеют глубокие местные корни и главные приоритеты которых неразрывно связаны с конкретным контекстом соответствующего региона и локально-региональных конфликтов. Если они и выходят на региональный уровень, то, скорее, по принципу *снизу вверх*, чем по команде *сверху вниз* от какого-то вышестоящего центра, а заявления некоторых таких групп о приверженности идеям *Аль-Каиды* и даже *клятвы верности* носят, скорее, декларативный характер.

В рамках этого второго подхода, в качестве наиболее активных адептов идеологии именно «глобального» джихада и наиболее динамичного направления развития его организационных форм сегодня, скорее, выступают как раз более мелкие, сетевые ячейки, активные в нескольких десятках стран мира и продвигающие *подчеркнуто универалистскую, глобальную повестку*. Такую сетевую фрагментацию лучше всего суммирует теория *джихада отдельных ячеек* Абу Мусаба ас-Сури (на Западе оно более известно как *безлидерный джихад*)²⁶. В отличие от группировок, действующих в контексте конкретных вооруженных конфликтов на Ближнем Востоке, в Азии или Африке, ячейки этого типа в полном смысле слова *экстерриториальны* по своим взглядам и целям, и большинство из них возникает именно на Западе, а не в мусульманских странах. Эти мини-ячейки формируются разными путями, процесс их радикализации может иметь различные формы, и они, как правило, не связаны друг с другом формальными связями. Однако они разделяют идеологию глобального джихада, в совокупности составляют гибкое и устойчивое транснациональное сетевое движение и отчетливо воспринимают себя как части этого движения.

Недавний подъем террористической активности со стороны террористов-одиночек или автономных ячеек джихадистского типа, причем прежде всего на Западе, служит наглядной иллюстрацией такой сетевой фрагментации движения *глобального джихада*. Этот процесс развивается в двух формах, грань между которыми очень тонка и ее не всегда можно провести: в форме так называемого *безлидерного сопротивления* или в виде терроризма со стороны *одиноких волков*, т. е. террористов-одиночек.

Безлидерное сопротивление — это *сетевая стратегия* и организационная форма, которая сознательно берется на вооружение, часто под давлением внешних обстоятельств, сетевыми структурами, состоящими из ячеек и отдельных лиц, чтобы усилить асимметричные преимущества сети по отношению к ее иерархически организованным оппонентам (например, государствам). Хотя сегодня вооружен-

ное безлидерное сопротивление чаще всего ассоциируется с глобальным джихадом, сама концепция была впервые сформулирована правыми экстремистами еще в конце 1980-х гг. и впоследствии активно применялась на практике, в частности радикальными защитниками окружающей среды, особенно *Фронтом освобождения Земли* (Earth Liberation Front, или ELF).

Сетевая фрагментация не предполагает централизованного рекрутирования новобранцев в четко сложившуюся организационную структуру, а вдохновляет своих сторонников на то, чтобы они во имя общих целей движения сами формировали собственные ячейки на местах, которые вообще могут быть не связаны между собой. Идея организовать террористическую ячейку апеллирует к жажде славы и индивидуальному чувству справедливости молодых людей не меньше, чем к их политическим взглядам и идеологическим воззрениям. Эти характеристики описывают безлидерную сеть Фронта освобождения Земли, но в равной степени они применимы к сетевому уровню микроячеек *глобального джихада*. Этот уровень развивается под влиянием идеологии *центральной, или исторической Аль-Каиды*, но он не связан с ней организационно; такие микроячейки могут иметь контакты, например с йеменско-аравийским региональным филиалом, а могут их и вовсе не иметь.

Если безлидерное сопротивление — это именно сетевая стратегия, то террористы-одиночки, или так называемые *одинокие волки*, действуют вообще вне каких-либо организационных рамок, т.е. *независимо от какой-либо группировки или сети*. В последнее время на Западе наблюдается некоторый рост числа атак со стороны джихадистов-одиночек. Хотя в 2000-е гг. постепенный рост числа таких терактов больше затронул страны Западной Европы (террористы-одиночки были ответственны за 14 % всех атак, спланированных и осуществленных джихадистами в Западной Европе в 1995–2012 гг.)²⁷, с 2009 г. число планировавшихся и осуществленных терактов этого типа возросло и в США (пока самый смертоносный из них — теракт, осуществленный майором Н. Хасаном в Форт-Худ в 2009 г.). Несмотря на недавний рост числа инцидентов со стороны террористов-одиночек, доминирующий тип джихадистского терроризма на Западе — это террористическая активность автономных мини-ячеек, поддерживающих определенные связи с более широкой сетью, т.е. являющиеся хотя и автономными, но *сетевыми агентами* (например, Лидская ячейка, ответственная за взрывы 2005 г. в Лондоне). Не всегда можно четко определить, насколько такая автономная ячейка действовала в координации с более широкой сетью (как, например, в случае с Ф. Шахзадом, припарковавшим машину со взрывчаткой на Таймс-сквер в Нью-Йорке (2010 г.) или с бостонской ячейкой братьев Царнаевых)²⁸.

При всей своей маргинальности сетевое движение фрагментированных, но постоянно возникающих вновь ячеек *глобального джихада* представляет серьезную террористическую угрозу международной безопасности, особенно внутри и для самих западных стран. Однако в целом это менее серьезный вызов, чем те угрозы, которые несет в себе процесс *регионализации* (выхода с более локального на полноценный региональный уровень) радикально-исламистских группировок в зонах реальных, наиболее интенсивных вооруженных конфликтов, как правило, трансграничных и происходящих в условиях развала или ослабления государственной власти. Одному из наиболее ярких примеров таких угроз и группировок — вооруженно-террористическому радикально-исламистскому движению *ИГИЛ* в ирако-сирийском контексте — посвящен следующий раздел статьи.

Продолжение будет опубликовано в следующем номере журнала.

Примечания

- ¹ Отдельные инциденты в контексте украинского кризиса могут на поверку оказаться терактами или угрозами террористического типа (например, угрозы подрыва газо- и нефтепроводов как способ давления на государство(а) или взятие людей в заложники ради политических целей). Даже, например, покушение на жизнь харьковского мэра Г. Кернеса в апреле 2014 г. можно будет считать терактом только в том случае, если: а) оно не является чисто криминальным актом (покушением на убийство), преследующим преимущественно материально-экономические цели, и б) к нему не причастны части государственного аппарата (в противном случае этот инцидент должен квалифицироваться как внесудебная расправа со стороны представителей государственного силового аппарата с политическим противником).
- ² 2013-й — последний год, по которому к осени 2014 г. была доступна статистика по терроризму Global Terrorism Database (GTD)/START (National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism), University of Maryland [в статье используется версия на 15.08.2014], <http://www.start.umd.edu/data/gtd/> (последнее посещение — 25 августа 2014 г.)
- ³ Ibid.
- ⁴ Global Terrorism Index: Capturing the Impact of Terrorism in 2002–2011. Sydney; N.Y.: Institute for Economics and Peace, 2012. P. 12, http://www.visionofhumanity.org/sites/default/files/2012_Global_Terrorism_Index_Report.pdf (последнее посещение — 25 августа 2014 г.).
- ⁵ The Routledge Handbook of Terrorism Research/Ed. by Alex P. Schmid. L.; N.Y.: Routledge, 2011. P. 86–87.
- ⁶ Global Terrorism Database, 2014.
- ⁷ Stepanova E. Terrorism in Asymmetrical Conflict. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008. P. 11–14; Степанова Е. А. Терроризм: проблемы определения и функционально-идеологическая типология // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 7. С. 23–32.
- ⁸ Hoffman B. Inside Terrorism. N.Y.: Columbia University Press, 1998; Crenshaw M. Terrorism in Context. University Park (Penn.): Pennsylvania State University Press, 1995.
- ⁹ Testimony by W. Braniff, Executive Director, National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism (START), University of Maryland, before the United States House Armed Services Committee Hearing on the State of Al Qaeda, its Affiliates, and Associated Groups: View From Outside Experts. Washington, DC: United States House of Representatives, 2014, February 4. P. 2.
- ¹⁰ Global Terrorism Index. P. 23.
- ¹¹ Ibid. P. 6.
- ¹² EU-TESAT 2013: EU Terrorism Situation and Trend Report. The Hague: European Police Office (Europol), 2013. P. 9.
- ¹³ Global Terrorism Index. P. 12.
- ¹⁴ Global Terrorism Database 2014.
- ¹⁵ Global Peace Index 2014: Measuring Peace and Assessing Country Risk. Sydney, N.Y., Oxford: Institute for Economics and Peace, 2014. P. 6, 15.
- ¹⁶ Global Terrorism Index. P. 7.
- ¹⁷ Ibid. P. 14.
- ¹⁸ UCDP/PRIO Armed Conflict Dataset v.4–2014, 1946–2013. http://www.pcr.uu.se/research/ucdp/datasets/ucdp_prio_armed_conflict_dataset/ (последнее посещение — 25 августа 2014 г.).
- ¹⁹ Testimony by W. Braniff. Op. cit. P. 3.
- ²⁰ Global Terrorism Database, 2014.
- ²¹ Terrorism: Patterns of Internationalization/Ed. by J. Saikia and E. Stepanova. New Delhi, London, Singapore: Sage, 2009.
- ²² Global Terrorism Index. P. 6.

²³ Testimony by W. Braniff. P. 3.

²⁴ Подробнее см. Степанова Е. А. Транснациональный терроризм спустя 10 лет после терактов 11 сентября: подъем, спад или трансформация? // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 3. С. 4–34.

²⁵ National Strategy for Counterterrorism. Washington D. C.: The White House, 28 June 2011. P. 19.

²⁶ Sageman M. Leaderless Jihad: Terror Networks in the Twenty-First Century. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2007.

²⁷ Nesser P. Single actor terrorism: scope, characteristics and explanations//Perspectives on Terrorism. 2012. Vol. 6, N 6. P. 65–66.

²⁸ Подробнее см. Stepanova E. Lone wolves and network agents in leaderless jihad: the case of the Boston Marathon bombing cell // Perseverance of Terrorism: Focus on Leaders. Amsterdam: IOS Press, 2014. P. 50–63.